

ГОЛОС В КОНЬЯКЕ

Иногда самое
опасное
желание —

быть наконец
увиденной

САША
ЛОНГО

Саша Лонго
Голос в коньяке
Серия «Слишком личное.
Откровенно о сокровенном»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74645271
ISBN 978-5-04-256432-1

Аннотация

Евдокия Левитина – журналист и музыкальный критик. После неожиданного развода она пытается понять, почему, стараясь быть для всех хорошей, в итоге проживает не свою жизнь.

Работая над радиопередачами об отношениях, Дюся параллельно общается на линии «Разговоры для взрослых» и погружается в мир мужских фантазий. То, что начинается как попытка узнать больше о мужчинах, постепенно превращается в исследование собственной сексуальности, желаний и страхов.

Но живая встреча заставляет ее выйти из виртуального мира и впервые за долгое время услышать себя.

«Утонченный мир музыки и искусства Дуси против грязного мира телефонного секса. Саша Лонго пишет очень музыкально и чувственно. "Голос в коньяке" – это редкий гибрид женского романа, эротической прозы и психологического триллера». – Анна Теплицкая, автор бестселлера «Нино и ее призраки»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Саша Лонго

Голос в коньяке

Издание подготовлено при содействии литературного
агентства «Флобериум»

© Лонго С., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Она еле разлепила глаза. Хотела пошевелить руками, но не смогла. К горлу подкатил спазм. Кружилась голова. Она прокатила по нёбу толстым, сухим, как наждачная бумага, языком. Плечи затекли, руки, зафиксированные за спиной, саднили в запястьях, будто скрученные колючей проволокой. Ног она сначала не чувствовала, но по мере возвращения сознания поняла, что они чем-то прикреплены к ножкам стула. «Что со мной произошло? Как я здесь оказалась? Боже мой, встреча...» – Мысли переплетались в плотный жгут, который стягивал лоб, давил на виски, заставляя их синкопированно мерцать.

Она постаралась понять, где находится. Кто-то усадил ее в гостиную, за большим столом так, словно она зашла на чай и светскую беседу.

– Ну наконец-то ты пришла в себя.

Она услышала голос, ослепительный, как удар, до боли знакомый и в то же время абсолютно чужой, который звучал насмешливо и презрительно. Она постаралась сфокусироваться на расплывчатом пятне в дверном проеме, за которое зацепилась боковым зрением. Любое движение зрачков взрывало виски пульсирующей болью, засыпало глаза колючим сухим песком. С огромным трудом ей все-таки удалось сосредоточиться на фигуре, и в тот же миг она провалилась

под лед животного, липкого ужаса.

* * *

Дуся всегда набирала текст, словно исполняла на фортепиано стаккато чуткими, сильными пальцами. Но не сейчас: впечатления о концерте не желали складываться в слова. Рука зависла над клавиатурой ноутбука, кисть томно изогнулась, словно готовая принять поцелуй. Мысли множились вскипающим молоком, но никак не хотели пролиться на бумагу. И вдруг в хороводе золотистых бликов ей удалось нащупать главное – в следующий момент руки стремительно спикировали на клавиатуру. Буквы, собранные в гирлянды слов, наконец-то проступили образами, настезь распахивающими дверь в мир Дуси Левитиной – несостоявшейся пианистки, ныне музыкального критика.

Когда текст шел туго, она испытывала почти изнеможение, но если все-таки удавалось передать то, чем прониклась, – счастье и гордое чувство обладания... Вот и сейчас, пытаясь описать туше своей любимой пианистки Веры Белозеровой, она ощущала его как пенку капучино на губах,स्ताивающую сливочной сладостью. У нее было звериное чутье на талант. Когда невесомо нечто совершенное. Просто. Поцелуй Бога.

Дуся боялась отцепить свою мысль от концерта Веры. Боялась, что в тот же момент по макушку наполнится бо-

лю. Боялась умереть от ужаса, когда сквозь пронзительный звон свежего воспоминания проступят фрагменты вчерашнего разговора с мужем. *Посмотри на себя! Ты пресная, как еврейская маца! С тобой невыносимо скучно! Я всегда воспринимал тебя как случайную девушку, одну из многих моих женщин. Изменял тебе с первого дня нашего знакомства, и ты про это знала!* Глеб бил наотмашь, хотя было понятно, что она отпустит. Уже отпускает... Дуся поймала за хвост исчезающее воспоминание: как обиженно, по-детски он кривил в этот момент губы. Она всегда знала: Глеб – главный мужчина в ее жизни. «Я и сейчас так думаю!» – Слова, произнесенные вслух, обрушились болью утраты. Горло противно свело, наружу вырвался сдавленный всхлип, крупные горячие капли поползли по щекам.

Мы влюбляемся в одного человека, а потом трезвеем и видим перед собой совсем другого. Какое-то время не верим собственным глазам и терзаемся вопросами: как это могло быть? Что и, главное, когда произошло? Меж тем нам кажется, и мы принимаем желаемое за действительное. Нам кажется... И мы в этом уверены. Всю жизнь Дуся искала истинную близость. Встречаясь и расставаясь, влюбляясь и охладевая, гранила свой опыт о наждак действительности, взращивая редкое и ценное качество – великое умение прощать. Может быть, поэтому она была еще не готова поставить все точки над *i* в их с Глебом истории.

Сегодня запись передачи на радио, а она еще не одета.

Обычно ей было нужно протяжное утро. Дуся любила долго жалить себя горячими струями воды, окутывая эфирным маслами лаванды, миндаля и цитрусов. Минуты, когда первые страницы текста или задумка передачи проступали из терпкой дымки утреннего кофе, превратила в ритуал. Всегда впускала в свой день музыку – особенную, под настроение. Сегодня это будет Орф, «Кармина Бурана». Экспрессия кантаты должна помочь закрасить, перекрыть слова Глеба.

Дуся Левитина была интеллектуалкой. За плечами консерватория по классу фортепиано. В душе отличница, перфекционистка – или быть лучшей, или не быть в профессии вовсе, – о сольной карьере даже не помышляла. «Ах, какая чудесная девочка! Так понимает и чувствует смыслы, но техника слабовата». – Так о ней говорили, оценивая в кулуарах. Карьера концертмейстера – логичный сценарий профессиональной судьбы в музыке за неимением более сладкой доли концертирующей пианистки. Неудачный перелом кисти правой руки не оставил этой возможности, а при искусстве остаться томительно хотелось, и вот тогда Дуся развернулась мыслями в сторону музыкальной критики. В узких кругах ее считали профессионалом, равнодушным к любому проблеску таланта. За глаза называли занозой в заднице. Она никогда не стремилась стать лучшей среди равных, не брала заказные рецензии – вернее, откликалась на многое, но писала только то, чем удавалось проникнуться. Уж извините. Отсутствие честолюбия, пронзительное чутье на уникаль-

ный почерк, образное слово выполнили свою миссию: с ней считались.

Да что ж такое! Глаза все время на мокром месте. Дуся смахнула внезапно набежавшую слезу. *«Ну что, моя дорогая, – обратилась Дуся к слезливой взбалмошной принцесске внутри себя, – ты потеряла любимого мужчину. Он не только уничтожил все, что было для тебя важно, просто взял и скомкал тебя в отношениях. Страшно... Но тебе же не впервой возродиться из пепла?»* Слово «скомкал» отозвалось болью в сердце, глаза вновь наполнились слезами. Она глотнула остывший кофе и оживила ноутбук. Дуся любила этот уютный уголок на кухне под огромным многолетним филодендромом. Здесь всегда хорошо писалось.

Я не хотела, но воскресла,
Душа моя теперь как песня,
И я шагаю с тобой рядом —
Снегопадом, снегопадом...

Почему-то возник именно такой образ... Захотелось увидеть свои мысли на бумаге в поэтическом изложении, они же про любовь. Но как она ни колдовала, рифмы приходили избитые, ритм постоянно менялся, и Дуся махнула рукой на эту затею. Она никогда не писала стихи, даже в юности, и была в этом абсолютно безнадежна. Взгляд скользнул по настенным часам: «Боже! Я еще не одета, а в студии нужно быть ровно в двенадцать!» Пора воскресать. Долгое утро необходимо бы-

ло еще и для того, чтобы примерить на себя образ, сделать его созвучным настроению. Дуся обладала врожденным вкусом: никогда не следуя фэшн-трендам, оставалась непокорной моде, но верной самой себе.

...Автомобиль завелся мгновенно, его ровное урчание вернуло ей ощущение незыблемости бытия. Когда мир вокруг рушится, необходимы вещи, которые напоминают тебя вчерашнюю. Она любила водить и делала это с аккуратным безрассудством. *Ну все, погнали! Возждение отвлечет от грустных мыслей. Никто ничего не должен заметить.* Особенно Кирилл, ее звукорежиссер. Нужно дотянуть до вечера, а там за чашкой латте поведать душевной подружке, как вчера после совместной поездки на Кипр, которая должна была пробудить взаимный интерес, они расстались с мужем. Дожить бы только до встречи, доиграть.

* * *

Редакция тоже была неизменной константой ее бытия. Когда-то уйдя из большой музыки, Дуся решила писать о высоком искусстве: опере, конкурсах, фестивалях, молодых композиторах, которые пробовали себя в классических жанрах, концептуальном театре, авторском кино. Специализацией ее была, конечно, музыка, но интересовало все, что лежало за границей ненавистой поп-культуры, – то, в чем ей виделось величие и что она силой своего воображения могла напол-

нить почти экзистенциальными смыслами. *Чудесная девочка!* Так понимает и чувствует музыку, но техника слабовата. Какая ерунда приходит сегодня в голову! Ее влекло к искусству, которое способно раздвигать границы, являясь бесконечным поводом для самоуглубления. Она готова была вновь и вновь наполнять идеями формы – застывшие слепки бытия, – вдыхая в них жизнь, подсвечивая содержание. Дуся кожей чувствовала талантливых людей, любовь к их искусству всегда была для нее выше самолюбия. К своим творческим проявлениям она относилась несерьезно, но ответственно: в каждой ее передаче, статье звучали вера в силу духа и таланта, умение слушать не перебивая, слышать предназначение и сущность. Дуся научилась страстно творить фантазию, импровизацию: неважно что, но непременно щедро, обязательно здесь и сейчас. Она лелеяла любовь к искусству в себе, к искусству других, к искусству вообще. Она точно знала, что так служить ему могут лишь единицы.

Ее идеализм наткнулся на подводные камни жестокой конкуренции творческой среды и в этой связи медленно, но верно претерпевал изменения. Со временем она пересмотрела ценности – для Дуси измельчился и рассыпался их смысл, – но работу свою любить не перестала.

...В редакции всегда пахло кофе и сигаретным дымом. Каждая передача для Дуси была пропитана этими ароматами. Словно часть выпитого журналистом, редактором, звукорежиссером кофе – с молоком, сливками, коньяком, ли-

моном, просто стаканом холодной воды, с сахаром и без – въедалась неповторимым запахом в бумагу, слова, студию, ауру и далее по списку. До прихода на радио она не была фанаткой этого напитка. Именно здесь Дуся приистрастилась к кофе и сигаретам. Как будто их сочетание – тот камертон, тронь который – и зазвучат споры до хрипоты, философские глубокомысленные умозаключения, полные самоиронии журналистские байки. Здесь все было интеллектуально и немного богемно. Здесь все было пропитано ароматом кофе. Она тепло и трепетно относилась к команде, с которой делала свои передачи. Вот и сейчас ее захлестнула признательность, когда она услышала полный тревоги вопрос Иды Яковлевны:

– Дусечка, всё в порядке?

Дуся обожала ее, считала своей подругой, несмотря на то что между ними была почти двадцатипятилетняя разница в возрасте. Эти глаза, заглядывающие в душу, неизменная сигарета в уголках губ, интеллектуализм в речах, удачно приперченный крепким словом, делали Иду Яковлевну особенным человеком в редакции. Умение разговаривать матом добавляло сто очков к ее харизме. Можно было ухохатываться над каждой фразой: перлы циничной самоиронии – это был высший пилотаж. Нигде и никогда Дуся больше не слышала ничего подобного. За глаза все называли ее Мамулей. Ида Яковлевна догадывалась об этом и режиссировала всех и вся. Ее острого языка побаивались, она пользовалась ува-

жением и с достоинством вдовствующей королевы принимала его. Очень любила молодежь и опекала Дусю в профессии и в жизни. Та подозревала: почти материнская опека стала возможной, потому что у Идочки Яковлевны (так она любя называла свою наставницу) не было детей. В голосе Мамули было столько сочувствия – вновь подступили слезы. Нет, не сейчас. Дуся из последних сил собралась и засветилась глазами навстречу:

– Все отлично, лучше не бывает!

И, повернувшись, выбежала из редакции.

* * *

– Дуся, очнись! Ты готова? Да что с тобой сегодня? – прозвучал голос Кирилла в наушниках. Студия – священное место, где краткие команды звукорежиссера действовали на нее как звук колокольчика на собаку Павлова. Все отступало... Дуся улыбнулась:

– *Доброе утро, дорогие друзья! Счастлива встрече с вами после небольшого вынужденного перерыва. Слегка волнуюсь. Сегодня все как в первый раз со мной в этой студии: и молчаливый дымчато-серый микрофон, и уютный абажур настольной лампы. Все ощущения обострены до предела, наверное потому, что я действительно соскучилась по общению с вами; и еще... Весна, господа! Москва уже обласкана непостоянным апрельским солнцем. И хотя в данный мо-*

мент я нахожусь в студии за надежной толщей стен без окон и не имею возможности вдохнуть полной грудью хмельной весенний воздух, солнечный, радостный дух прорывается и сюда, ласково обнимая нас.

Нас – это тех, кто сегодня выходит в эфир и трудится для эфира: журналиста Евдокию Левитину и звукорежиссера Кирилла Абдумаликова. Жажда общения, признаний, открытий просто переполняет меня! Хватит такой привычной игры в слова. Все – мобилизуюсь, настраиваюсь, поехали...

* * *

День прошел суетливо и напряженно: требовалось прилагать особые усилия, чтобы вести себя как обычно... Теперь, когда осталась одна, можно было выдохнуть. И Дуся, потягивая латте в любимой кофейне за столиком у окна, хотела только одного – встретиться с лучшей подругой и выплеснуть на нее все свои переживания. Подругу звали Татьяна, но домашние и особо приближенные никогда к ней так не обращались – только Тата. Встречи с ней Дуся ждала как сеанса у психотерапевта: когда боль рвется наружу, страшно представить, что ты запечатаешь ее в себе надолго. *Может быть, достав ее изнутри, я буду способна... отпустить ситуацию?*

– Привет! – Из раздумий ее вырвал свежий, задорный го-

лос Таты. Она громко чмокнула Дусину макушку.

Они были очень разными и очень близкими. Тата обладала взрывчатым темпераментом и всегда более категорично высказывалась о людях. Она могла страстно влюбиться в человека, раскрыться ему навстречу, но так же быстро меняла свое мнение о нем. Люди всегда должны были пройти череду проверок, прежде чем она, Тата, сможет им доверять. Так она думала. Но доверять получалось сразу и безоговорочно. Разочарование накрывало потом. Убежденность в том, что не подведут, – дорога с двусторонним движением. Тата всегда двигалась *presto* по направлению к очередному увлечению. Глеба она невзлюбила сразу, с первой минуты их знакомства. Дусе казалось, что это ревность к самому факту, что у нее теперь есть Глеб, несмотря на то что Тата была давно и счастливо замужем. Счастье кратно увеличилось, когда подруга стала мамой очаровательного рыжего чуда, которое вопреки мнению всего света назвала Кузьмой. «Хочу быть теперь Кузькиной матерью», – отвечала Тата на все высказывания общих знакомых о некрутости имени Кузьма.

«Почему я так доверяю ей?» – думала Дуся. И не могла найти ответа, но точно знала, что рассказать подруге можно все, без купюр, украшательств. И Тата поймет, искренне заинтересуется обстоятельствами, эмоционально проживет каждую минуту Дусинога рассказа.

Лучезарность, которая струилась из Таты – из серых прозрачных глаз, от рыжих кудрявых волос и мраморной кожи, –

гипнотизировала и настраивала на откровенность.

И Дуся, соприкоснувшись с Татой сердцем, начала свой рассказ...

– Да, подруга... Что теперь намереваешься делать? Я могу разузнать через общих приятелей о его новой пассии.

От Таты всегда исходили практические и действенные советы, и помощь она предлагала из разряда «А давай я сделаю...»

– Не нужно, Тат. Я не хочу знать. Так мне будет легче. Да и разве это важно?

– Скажешь, нет?

Тата злилась и рвалась спасти. На мраморе кожи неровно проступили ярко-розовые пятна. Что-то такое было в ее взгляде: и трогательность, и беззащитность, и боль, и нежность, и принятие, и обида, и, вероятно, что-то еще... И этот диссонирующий, царапающий душу аккорд прозвучал камерно, пианиссимо.

– Что я могу для тебя сделать? Как помочь? – почти шепотом спросила она. В голосе звенели слезы.

– Просто будь в моей жизни. Ты мне очень нужна. А сейчас я поеду. Хочу побыть одна... Извини, правда, мне уже лучше! Я в порядке! Спасибо тебе...

* * *

Она пересмотрела фильм Ларса фон Триера «Рассекая

волны», обливаясь слезами и заедая горе мороженым. Жалость к себе, как капризная женщина, требовала сладкого. Когда Дусе хотелось быстрее пережить боль и отчаяние, она вопреки здравому смыслу еще глубже погружалась в эти настрояния, как в колодезь. В этом было много действенной силы. Как будто там – на дне безысходности, уныния и страха – появлялась легкость двигаться вверх, задерживая дыхание, напрягая все мышцы, выталкивать себя из пучины мрачных и тягостных мыслей. Но сейчас, после просмотра, во время которого она плакала навзрыд, ее мучил другой вопрос: что не так с ней, Дусей? Почему Глеб заскучал рядом? Почему она перестала его интересоваться как женщина? Ведь она давно чувствовала его охлаждение. Догадывалась, что у Глеба есть параллельная жизнь. Как так получилось, что он не захотел от нее ребенка? Ведь она красива... И сейчас, в свои тридцать четыре года, более, чем когда-либо.

Правда красива? Ей немедленно захотелось убедиться в этом. Присев на край ванны и вслушиваясь в шум воды, она погрузилась в состояние транса, сквозь которое пробивалась идея о том, как справиться со стрессом: накормить разум светлыми мыслями, пусть даже мимолетными, напитать кожу ароматическими маслами. Молочная бомбочка для ванны и гель для душа со вкусом взбитых сливок и клубничных меренг помогут снять напряжение. Воспоминания о Глебе вновь захлестнули невыносимостью одиночества. И, больше не желая ждать, сбросив легкий шелковый халат, Дуся шаг-

нула в душистую молочную воду.

Она долго лежала в ванне, подложив под голову валик, еще дольше растиралась большим банным полотенцем, разглядывая себя в зеркале, впервые не целиком, а по частям, словно пыталась разглядеть себя своими глазами: в браке с Глебом ей всегда хватало отражения в нем. Знакомые и неузнанные глаза – потемневший янтарный миндаль. «Пойду лучиться глазами, как Левитина», – говорила ее однокурсница Алька перед очередным сессионным зачетом. Сейчас они погасли, как окна квартиры, в которой выключили свет. Бессонница проложила по кромке глазных впадин землистые тени. Она практически не могла спать. Когда оказывалась в постели, возникало ощущение, что одиночество душит ее. Не менее страшно было просыпаться. Дуся уже привыкла к ярким, вне зависимости от погоды, утрам, наполненным суетой сборов, предвкушением творческих побед. А теперь они всякий раз сулили осознание, что случилось непоправимое. Как будто, заснув, она ненадолго про это забывала, но, пробуждаясь, с завидным постоянством попадала в себя вчерашнюю. Она снова взглянула в зеркало: породистое лицо, чистая, ухоженная кожа, высокий лоб. Красноречивые акценты – густые, широкие дуги бровей, не знавших пинцета, красиво очерченные губы. «У меня, правда, немодное, но выразительное лицо», – подумала Дуся. Откуда это смешное слово? Немодное... Ах да, может быть, длинноватый нос сделал его чуждым кукольности и заезженной миловидности.

Линии тела также далеки от совершенства общепринятого, навязанного глянцем: высокая грудь, аппетитные бедра. Их, правда, было бы чересчур, если бы не плоский, как поднос, живот. Она стеснялась своего тела: никак не могла принять мясную основательную оболочку, с которой боролась, сколько себя помнила, – только в браке смогла с ним примириться. А сейчас вновь видела сплошные изъяны: жирок на боках, полноватые руки. Только стрижка – незамысловатый, незаменимый во все времена боб – шла ей невероятно и нравилась почти так же. «Нужно бы освежить цвет волос», – подумала совсем буднично. И как раз в тот момент, когда она почувствовала, что накал страстей на сегодня достиг апогея, – рыдания под Ларса фон Триера, молочная бомбочка для ванны и долгое узнавание себя в зеркале, – ее отпустило. Хорошо, что впереди выходные: она успеет подумать о том, какие передачи продолжают авторский цикл «Зазеркалье», и о том, как она утратила свою сексуальность. Это же так, раз Глеб бросил ее.

* * *

– Здравствуйте, Нина Федоровна! – пропела Дуся и светло улыбнулась соседке по даче, открывая калитку. Неделя летела за неделей, а интенсивность переживаний не ослабевала. «Время лечит», – как мантру повторяла она избитую фразу, но та не приносила даже намека на облегчение. Ей не

помешает несколько дней побыть наедине с собою, отключив телефон. Вчера звонила деятельная Татка и в своем порыве спасти орала в трубку, что Дуся не смеет в себе сомневаться, нужен новый мужик, что клин клином и все в таком духе. Слушать это было невыносимо. Ей нужен был только Глеб, и, если бы сейчас сказали, что сам Антонио Бандерас будет подавать ей утренний кофе и читать сказки на ночь, ничто не шелохнулось бы в душе. Она знала точно: пока не будет дна колодца, не будет сил выталкивать себя в жизнь и новую любовь. Для временной передышки в уединении очень подходило их семейное гнездо. Ничего особенного: скромный двухэтажный домик, который построил отец – подполковник в отставке, бывший военный летчик (хотя Дуся считала, что бывших летчиков не бывает), красавец, любимец женщин, надега семьи. Странно, сегодня особенно хотелось вспомнить отца. Сейчас этот чудесный теремок с черепичной крышей и летней открытой террасой олицетворял для Дуси семейный очаг, которого она лишилась. Тревога и тоска вновь захлестнули ее. Зря она так иронично: «Теремок». Папа называл дачный домик коттеджем. Он и правда подходил для круглогодичного проживания. Второй этаж был условным – ломаная крыша позволила увеличить его площадь – и полностью принадлежал Дусе. Там разместились ее кабинет и спальня. Две эти комнаты были малюсенькими, уютными и вполне отвечали представлению Дуси о комфорте. Она любила бывать на даче, хотя считала себя абсолютно городским

жителем. Здесь хорошо писалось и думалось. Недавно она обсуждала с главным редактором цикл передач об искусстве – «Зазеркалье», – особенности авторских программ в жанре интервью-портрета (считалось, что Дуся очень хороша в нем). Такие передачи делались личностью героя и химией, которая возникала между ним и ведущей. Сейчас Дуся особенно радовалась этому проекту, поскольку работа занимала практически всю ее жизнь.

Так что там про папу? Дуся вдруг поняла, что очень тоскует по отцу. Он ушел несколько лет назад, стойко перенеся онкологию, обнаруженную врачами, которые лечили гастрит, на четвертой стадии. Они были по-настоящему большими друзьями – отец и дочь. Герман Анатольевич обладал железным характером, тем не менее всегда оставался рыцарем для своих девочек: жены Маши, Дуси, ее старшей сестры Аглаи. Она уже лет десять жила в Сан-Диего. Девочки всегда были дружны, но огромное расстояние, которое сейчас пролегало между ними, длительное проживание Глаши в Штатах давали о себе знать толикой отчуждения: сестры по-прежнему часто общались, но сокровенными вещами Дуся предпочитала делиться с близкой подругой. И когда отец ушел, эмоциональное расстояние между ними только увеличилось. Кстати, именно Герман Анатольевич придумал, как назвать свою младшенькую, и стал автором уменьшительно-ласкательного прозвища – Дуся, – которое намертво приклеилось к ней в кругу родственников, друзей и коллег. Она

была папина дочь и всегда это знала. С Германа Анатольевича списывала свой идеал мужчины – принца, которого намеревалась ждать. Именно отец привил ей обостренное чувство собственного достоинства.

И сейчас, когда Дуся, переодевшись в старенькие джинсы, терла полы в гостиной, наводила чистоту и порядок на кухне, готовила себе легкий ужин, она вспоминала об отце – словно шармы из муранского стекла, нанизывала на браслет памяти самые счастливые мгновения жизни. Это было особенно важно сейчас, когда она стремилась на дно вселенской печали и щемящей грусти.

Вот отец везет ее на санках. Она кричит: «Быстрее!» Он бежит по протоптанной дорожке березовой рощи, оглядываясь и улыбаясь одними глазами. «Па-па, еще быстрее!» – Через секунду она уже в сугробе. А еще через мгновение сильные руки подбрасывают Дусю вверх. Они весело хохочут, отряхивая снег друг с друга.

А вот отец учит Дусю ездить на велосипеде. Это обычная воскресная прогулка в парке, недалеко от дома. «Папа, не отпускай меня!» – Она оглядывается на него, боясь потерять равновесие. «Да я с тобой, Дуся, я держу!» – Голос отца внушает уверенность. Какой-то миг – и, оглянувшись, она понимает, что едет уже сама. И это счастливо и страшно, но она точно знает, что отец рядом и не даст ей упасть. И сделает все, чтобы не было больно...

Девочка выросла, и теперь больно – всеобъемлющее чув-

ство, гораздо сложнее по спектру оттенков, чем при падении с велосипеда. Словно только теперь Дуся осознала горечь утраты от ухода отца, который мог сделать так, чтобы не было больно.

Она вспомнила и свой первый экзамен в музыкальной школе. И гордость отца за нее. А еще – его фразу по поводу ее детского перфекционизма и недовольства собой, которую она хранила внутри как драгоценность и вынимала всякий раз по случаю. И та переливалась разными гранями, поражая глубиной и раскрывающимися смыслами: «Иногда нужно быть собой довольной, Дуся!»

И первую влюбленность, когда юношеский максимализм подсказывал эффектные, но инфантильные жесты. Театральность прорывалась наружу в ответ на все: обиду, разочарование. «Поступки должны быть не эффектными, а эффективными».

Она вспоминала веселый и взбалмошный летний день, когда на даче собралась вся семья. И Глаша приехала из своей Америки. Вся дамская половина их семейства, собираясь готовить яблочный пирог с корицей, долго хохотала, не обнаружив в холодильнике ни одного яйца. И Дуся вызвалась пойти к соседке, которая держала кур. Несмотря на то что окна уютно светились теплом, Нина Федоровна так и не открыла ей тогда. Это, впрочем, не испортило дурашливого, смешливого настроения. Да и вечера не испортило. Он прошел под гомерический хохот, любимые романсы, автор-

ские песни под гитару. Приступы веселья возникали по любому поводу: от забавных воспоминаний из детства девочек до семейных фотографий. Через какое-то время в очередной приезд на дачу Нина Федоровна бросилась к Дусе с объяснениями. Та не сразу поняла, о чем идет речь, и очень удивилась, что отец, обидевшись за дочь, жестко высказал соседке за негостеприимство. Она вспоминала неловкость, с какой убеждала бедную женщину, что та ни в чем не виновата. И долгие свои размышления, что вся эта нелепая история – про папу, который защищает от ненастья. Ничто не должно омрачить настроения его девочек. Ничто и никто. Интересно, как бы он воспринял их разрыв с Глебом? Как бы прокомментировал ее чувство женской неполноценности? *Иногда нужно быть собой довольной, Дуся!* Но был и другой папа – требовательный и бескомпромиссный. Груз его надежд и ожиданий – успехов в учебе, на музыкальном поприще, в спорте, шахматах – подавливал на хрупкие девичьи плечи сестер. С ним было так надежно, незыблемо, принцессно, что хотелось ему соответствовать: его девочки должны быть самыми умными, красивыми, спортивными, домовитыми, вежливыми – хорошими... *Так вот в чем все дело – что же с моей хорошестью? Какая важная мысль, хоть бы не спугнуть.*

И, дожевывая листья салата, приправленные лимонным соком и оливковым маслом, она подвела итог разглядывания шармов из муранского стекла. Когда муж – принц на бе-

лом коне, брак – это навсегда, в тридцать лет рождены дети, родные своей любовью награждают тебя титулом принцессы, вручая хрустальную туфельку. Но жестокая реальность предательства, расставания в одно мгновение лишает тебя этого титула. «Вот оно что», – усмехнулась Дуся. «Если будешь хорошей девочкой», – так всегда говорил отец. Эта фраза – квинтэссенция ее миропорядка до сегодняшнего дня. И что тогда? Ну, видимо, награда не заставит себя долго ждать. В виде принца, карьеры, райских куш, финансовой самодостаточности. Дуся изо всех своих сил пыталась быть хорошей и в ожидании принца нещадно била хрустальные башмачки, а с ними юношеские надежды, что за ним – как за каменной стеной. И, встретив принца, как ей казалось, растворяясь в его желаниях, жила не свою жизнь, как будто черновик писала. «Я всегда воспринимал тебя как случайную девушку, одну из многих моих женщин. Изменял тебе с первого дня нашего знакомства, и ты про это знала!» *Так, получается, нет его, принца, в моей жизни до сих пор... Тогда что, папа?* Те сила и самодостаточность, которые приобрела, не будут радовать ни тебя, ни окружающих? Потому как не оправдала... Сценарий одинокой успешности всеми – в том числе и самыми близкими людьми – будет интерпретироваться как тяжкий крест, который ты влачишь за неимением более сладкой доли замужней женщины. И тогда рефрен в партитуре судьбы – горький вопрос: «Разве я не такая хорошая? Неужели не заслужила?» *Нет... Не хочу так. Прости, пап!* Дуся,

встав из-за стола, зажгла оставшуюся от Рождества массивную, слегка оплывшую свечу. *Не быть мне уже принцессой, потому что сказку эту мне мог дать только ты. Сожгла собственноручно в браке лягушачью шкурку, потеряла свою силу. Но Женица во мне еще жива. Как там? Если будешь хорошей девочкой? Да пошли все куда захотят.*

* * *

Ужас не мог продолжаться вечно. Еле разлепив глаза, сквозь мутную пелену Дуся пыталась рассмотреть предметы вокруг. Ей запомнился старинный стол цвета жженой умбры, за который ее посадили, и еще шкаф-витрина орехового оттенка с каким-то грандиозным, изрезанным в ажурную крошку навершием. При каждом движении глазных яблок воспоминания взрывались внутри головы яркими вспышками.

Тот разговор, когда она назвала ему свой номер телефона, поездка в Питер, Петр, склонившийся к окну такси. Она пыталась вспомнить, как он смотрел на нее. Но почему-то не могла. Что-то хищное, порочное... Дуся помнила только свои мысли, но не его взгляд. Ей было страшно посмотреть на него, вобрать в себя полностью.

– Ну наконец-то ты очнулась. Как себя чувствуешь, принцесса?

Ей нужно собраться и заставить его говорить. Она устре-

мила на него взгляд, пытаюсь сфокусироваться до ломоты в висках.

– Почему принцесса? – Она старалась звучать спокойно.

– А как прикажешь тебя называть: Ева, а может быть, Дуся? Так тебя, кажется, зовут в реальности?

Ах вот оно что! Откуда он это знает?

– Но разве это повод усыплять девушку и прикручивать ее к стулу? – Сухость во рту делала голос чужим и скрипучим. Она трудно сглотнула.

– Зачем ты приехала? Сначала я думал, что наша встреча – из серии моих несбывшихся надежд. Слишком умна, слишком холодна, слишком продуманна... – Каждая фраза отдавала полынной горечью.

Думай, Дуся, думай! Что ему может быть нужно от тебя? Явно ведь не секс. Воспоминание о том, как она предвкушала романтическую встречу, обожгло стыдом, как пощечиной. Как ни странно, именно он, жгучий стыд, позволил прийти в себя и даже победить страх.

* * *

Все-таки работа спасала и заряжала особенным настроением. С того памятного вечера на даче и моментов важных осмыслений прошло несколько недель. Дуся отчаянно творила свои передачи. И только это приносило какое-то облегчение. Авторский цикл «Зазеркалье» она делала в запи-

си: особая, ни с чем не сравнимая творческая мастерская, в которой можно экспериментировать с подводками, фоном, расцвечивать сорок минут эфира разными красками. Все должно было совпасть – домашние заготовки, нарезки самых удачных фрагментов интервью – по настроению, тональности, жанру...

Она припарковала свою машину во дворе дома раннего сталинского ампира на Большой Грузинской. Дуся торопилась, она не любила опаздывать. Сегодня у нее встреча и запись интервью с художником Федором Серебряковым. Назначил он ее, как Дуся любила, в мастерской, в которой всегда легко препарировать творческий процесс.

Ведущая. *Федор, все художники – сенсорные люди, очень тонко чувствующие. Наша передача называется «Зазеркалье» и призвана рассказывать о таинствах творческой лаборатории. Как вы создаете – импровизируете, иллюстрируете какие-то собственные идеи, пытаетесь отразить то, что видите?*

Серебряков. *Очень близко по смыслу моему творчеству понятие самого «зазеркалья» – что за зеркалом. Мне интересно, когда получается передать отражение человеческой души, всего сущего. И это я вижу через порядок, космос.*

Их познакомили на выставке в ЦДХ, где Дуся вместе со всеми впечатлялась его работами, застревая перед каждой на полчаса, словно приклеившись глазами. Графика Серебрякова – полифоничная, многослойная – обладала строптивым

характером: не терпела поверхностного, скользящего взгляда.

В его работах чувствовался остигатный ритм – то прерывистый, то мерный, то светлый, то трагический. Роспись по шелку рождала совсем другое ощущение: она, как музыка импрессионистов, будила фантазию, прораставшую сквозь зыбкие, капризные образы. В ней проступало невесомое, едва заметное напряжение акробата – когда нет права на ошибку, ведь каждое прикосновение кисти останется в вечности. В шелковых миниатюрах Серебрякова сливались акварель, акрил и темпера, в прихотливой вязи сюжетов взаимопроникали Восток и Запад.

Она легко поднялась на четвертый этаж, игнорируя лифт, и нажала кнопку звонка. Хозяин мастерской открыл дверь сразу, как будто поджидал ее. Дуся, затаив дыхание, шагнула за порог. Федор бросил перед ней войлочные тапки, как кидают к ногам шкуру убитого медведя, повелительно и театрально.

– Евдокия, наденьте, у меня прохладно. Из путешествия по Центральной Азии привез. Новые, не переживайте!

Она смущенно вошла в уютные, сваленные из верблюжьей шерсти баретки. Как он узнал, что она брезглива и никогда не надевает гостевые тапки? Дуся проскользила (ничто так не снижает силу трения, как войлок и натертый мастикой паркет) за хозяином в большую комнату. Высокие потолки с лепниной, балконные стеклянные двери в пол, сквозь кото-

рые проникал рассеянный, напитанный влагой жемчужный свет дождливого апрельского дня. Картины, подрамники с натянутыми холстами были всюду – на стенах, вдоль них. Ее заинтересовали несколько шкафов со стеклянными дверями лабораторного вида, в которых были сосредоточены инструменты: ножи, кисти, мастихины, ножницы, металлические линейки, палитры, тубики разных цветов и размеров, колбы, банки, склянки. Дусю поразила система хранения всякой всячины. Привычка линейного построения проступала во всем; похоже, порядок – важная сущность, которая прошивает крупными стежками не только творчество, но и быт. В следующий момент она уперлась глазами в мольберт напротив окна и немедленно начала раздевать абстракцию Федора, добираясь до сути, словно мужчина, обнажающий любимую женщину.

Серебряков. Скорее всего, в картинах отражаешь чувства. Например, одна из моих последних работ называется «Девяносто дынь». Это местность под Кокандским химзаводом. Я много путешествую, в том числе по странам постсоветского пространства. Люблю бывать в Грузии, Армении. Недавно путешествовал по Узбекистану. Так вот, на этом полотне изображены мужчина и женщина. Они несут свой крест: экология сделала мутантом их ребенка. Картина решена в желтом пыльном колорите. Дыни композиционно внизу, а в центре – мальчик-мутант, голова которого занимает чуть ли не весь холст и переплетается со структу-

рой дынь. Конечно, эмоционально это очень тяжелая картина! Но проблема настолько сильно потрясла меня, что я решил выплеснуть свое настроение на холст.

– Кофе? Евдокия, не советую отказываться: мой турецкий гремит по всей Москве.

Сейчас он казался Дусе насмешливым и близким. В расстегнутой свободной фланелевой рубаше, ослепительно белой футболке он сразу становился домашним, но при этом исключительным.

Ведущая. Федор – частный человек. Во всем. Я не устаю повторять, что таких людей в искусстве не так уж много. Большинство из них либо утратило свою частность, либо частность утратила их. Что до меня, я полагаю, это самое ценное качество, которое только может быть в творческом человеке. Оно про уникальный авторский почерк – вензель судьбы.

– А вот и не угадали, Федор. От кофе я никогда не отказываюсь...

– Ну и славно! Присаживайтесь. – Он жестом указал на низкую тахту, покрытую коврами ручной работы. На нее пахнуло Средней Азией.

Дуся примостилась с краю, и струящийся свет полотна, стоявшего на мольберте, целиком завладел ее вниманием. Эта была та же картина, которую она заметила несколько минут назад, и в то же время совсем другая: в этой световоздушной взвеси она мерцала тонами миндального масла, ли-

мона, золотой дымки, молочной кукурузы, которые перетекали, просвечивали один сквозь другой, обнажали тончайшую арабскую вязь структуры дынь. Вот что он привнес сюда с Востока... Дуся вновь увидела картину по-другому – его охристыми рысьими глазами – и поняла, что пропала. Из медового света, который рождал почти физический запах душистого лугового разнотравья, ее вырвал сложносочиненный аромат кофе, кардамона и корицы. Она поспешила на помощь хозяину дома и в тот момент, когда принимала от него пузатую керамическую чашку с орнаментом, словно из жженого сахара, обратила внимание на руки Федора – совершенные смуглые длинные пальцы с миндалевидными молочными ногтями.

Ведущая. *У меня возникло ощущение: ему все нужно объяснить своему зрителю – идею, колористику, прихотливую игру теней. Почему возник именно этот образ, почему пришло то или иное цветовое и композиционное решение? Но это потом... В основе же творческого процесса лежит интуиция, подсознание, великий дар озарения.*

Кофе, тягучий и маслянистый, словно непрерывное легато в музыке, действительно оказался хорош. Федор говорил увлеченно, но не о своей живописи – о ключевой идее, которая объединяла все, чего касалась его кисть.

Серебряков. *Есть, конечно, произвольные графические работы, которые легко сделаны, без линейки. Но в основном все образы, которые отвечают за эмоциональное и смысло-*

вое наполнение, проступают через линии. Построение Вселенной – через порядок в линию. И в живописи есть отголоски архитектурного мышления. Вот серия работ «Негэнтропия» – если совсем лаконично, это увеличение света и всех форм порядка, на пересечении которых и возникает цивилизация, удивительные вещи, созданные природой...

Дуся смотрела на эти легкие, непогрешимо точные линии, иногда и вовсе не заметные глазу, иногда очевидные и сильные, под аккомпанемент его голоса и чувствовала, как подпадает под обаяние личности Серебрякова. Что это? Золотое сечение искусства? Его, Федора, уникальность?

У Дуся редко возникало ощущение, что она знает человека много лет, общаясь с ним впервые. Это был тот самый случай. Он грамотно сближал дистанцию: несмотря на то что оставался на «вы», тональность их общения умело подогревалась вдруг обнаруженной общностью вкусов, взглядов, мнений обо всем на свете. *Как же это видно, когда мужчине идет его дело, в нем как будто включается внутренний свет – и он становится сливочно-золотым, стремительным, ясным. Такое страстное совпадение видения и способов его воплощения.*

День меж тем угасал. Меркло, тусклоло глухой темнотой небо, еще не подсвеченное тлеющими углями звезд. В комнате запекались сумерки, напитываясь лиловым тенями. Федор зажег свет – картины сразу преобразились: как будто женщины, сотворившие безупречный вечерний макияж, ста-

ли вдруг яркими, парадными, зазывными. Дуся подошла к окну – город оживал глубинными огнями, становился гордым и недосягаемым. *Засиделась я. Пора и честь знать! Буквально несколько последних штрихов.*

– А можно личный вопрос: как вы прорвались сквозь девяностые? – Она ожидала стандартный ответ о силе духа и веры в собственный талант.

Серебряков вздохнул:

– По-разному прорывался, Евдокия. И челночил, и таксовал. Искусство тогда было никому не нужно. Подумывал об эмиграции и уехал пожить во Францию. Спасибо друзьям – пригласили. Но вовремя вернулся. Теперь в России мне несравнимо более интересно.

– Федор, а есть какие-то картины с тяжелой судьбой? Ну или просто своей историей...

– Есть, пойдемте за мной. – Он подвел ее к полотну, висящему на стене.

– Видите, как будто сквозь плащаницу проступает лицо? И весь холст решен как эта плащаница.

Она, потрясенная, кивнула. Интересно, как бы картина, которая сейчас оплакивала исчезнувшие тени, звучала при дневном свете?

– Это портрет экстрасенса – Юрия Федоровича Рябинского. Я подарил ему эту работу. Когда организовывал персональную выставку, договорился с ним о том, что заберу ее на время для экспозиции. И вдруг эта работа исчезла пря-

мо с выставки. Она была варварски вырезана из подрамника. Прошло девять лет, и совершенно случайно – я не хочу говорить как – эта работа вернулась и теперь находится у меня в мастерской.

Дуся слышала от общих знакомых историю дружбы, соперничества и наконец вражды двух известных художников, однокурсников, закадычных друзей в прошлом, между которыми в какой-то момент пробежала черная кошка. Поговаривали о похищении какой-то картины прямо с выставки. Ей рассказал эту историю знакомый искусствовед, Сергуня Артишевский, с которым она любила ходить на выставки. Двухчасовой променад по залам (больше Сергей не мог проглотить за один присест, говорил: «Дуся, это все равно что переест!»), один ужин – и полновесный рассказ о современных тенденциях, новых именах, интересных выставках, художниках, которые растут в цене, сплетни, новости кулуаров из первых уст. Так вот, по его словам, Серебряков нашел свою картину в частной коллекции в Германии, где выставлялся и был приглашен на светский ужин к поклоннику и страстному коллекционеру. Случилось это, когда абстракционизм набирал популярность и рос в цене. Федор повел себя достойно и предложил сделку – любую картину с выставки в обмен на эту раннюю работу. Коллекционер тоже проявил широту и все-таки за картину с выставки что-то заплатил. А «Портрет экстрасенса» вернулся в Москву, в мастерскую художника. Дуся не случайно задала этот вопрос: ей хотелось

укрепиться в своем впечатлении о Серебрякове – так укореняют росток в благодатную, питательную почву. И то, что он оказался верен себе, приятно грело душу.

Сгустившиеся сумерки как будто сделали их еще ближе. Она тонко почувствовала это, когда сквозь разговор о живописи проступил мужской интерес Федора к ней:

– Какой у вас выразительный, коньячный голос, Евдокия.

Она неожиданно смутилась и немедленно засобиралась, разбивая забрезжившую интимность четкими рублеными фразами о дальнейших этапах подготовки передачи. Расстались с ощущением, что не договорили: далеко до дна – или его космоса. Так думала Дуся из начала своего одиночества.

* * *

Уже засыпая, она вспомнила комплимент Федора: «Какой у вас выразительный, коньячный голос, Евдокия». Его слова волновали, а интонация, с которой они были произнесены, вспоминалась снова и снова. Только художники могут мыслить такими образами. *Как здорово, что в моей жизни есть работа! Удивительно, но меня всякий раз поражает масштаб собственных открытий.* Сейчас ей предстоит освоить еще один формат, который потребует скорости реакции, меньше эстетства, больше жизни, спонтанности, драйва. Новый цикл передач «Лица» будет выходить в прямом эфире. Наверняка потребует смены собственного амплуа – от боль-

шого, эпохального в сторону самоиронии, остроты полемики. Дуся всегда смело бросалась туда, где немного страшно. Это такой кураж – создавать из зоны дискомфорта многоцветный и многозвучный мир.

* * *

– Ты не ответил на мой вопрос. – Страх заставил ее собраться, ускоряя реакции.

Что бы ни случилось, необходимо сохранить самообладание. Нужно понять правила игры.

– Какая разница? Ты была уверена, что твой обман не раскроется и ты будешь использовать меня!

Использовать? Уже кое-что... Есть от чего оттолкнуться. Думай, Дуся, думай!

– Я совсем не хотела тебя использовать. Я увлеклась тобой, это правда. Мне казалось, что я встретила человека, очень похожего на себя. Что странного в том, что в определенный момент я сдалась и согласилась на эту встречу? И хотя беседа изначально не случилась томной, давай все-таки попробуем вести себя так, чтобы потом не было мучительно больно.

А она неплохо держится для этих обстоятельств! Как ей это удастся? Он догадывался, как ей сейчас невыносимо. Но эта дурацкая посадка головы английской королевы. Луч солнца, падавший на ее щеку, подрумянивал кожу зо-

лотым поцелуем. И это тоже отвлекало от плана. Он хотел оглушить ее, напугать, обезоружить, разжалобить, заставить захотеть себя спасать. Именно в этой последовательности. Нужно сыграть сумасшедшего, да так убедительно, чтобы она поверила. Он капризно скривил губы:

– Ты уйдешь, убежишь сломя голову, как только узнаешь подробности моей жизни! – Он выплевывал черные сгустки фраз, как запекшуюся кровь.

* * *

– Да ничего не происходит, Тат. Ничего, кроме работы... Я не знаю почему. Не спрашивай! Как будто я умерла... Но обещала воскреснуть.

Дуся улыбнулась гордо и слегка надменно. Ей был неприятен этот разговор, потому что касался темы, которая пока не была ею изучена до дна. Да, конечно, она по-прежнему любит Глеба и пока не понимает, как вообще можно кого-то к себе подпустить. Но говорить об этом с Татой сейчас не готова: нужно слишком раскрыться, рассказать, что последнее время у них с Глебом не все было ладно. Даже думать про это невыносимо! Дуся спряталась за дегустацией кофе, мастерски приготовленного бариста, смаковала его полифоничный вкус с нотой горького шоколада с орехом, которая, истаивая, оборачивалась нежнейшей сливочной сладостью. *Кажется, теперь Тата начинает злиться.*

– И что, ты хочешь сказать, что вот он так ранил тебя? И все?! Мужики побоку? Тебя никто не волнует. Я не понимаю, как ты со своей внешностью, умом можешь в себе сомневаться?

Татка была хороша, когда вот так эмоционализовалась. Но вдруг в ее глазах промелькнула нежность, луч сочувствия на секунду согрел Дусю, но наступившие следом слова заставили сжаться:

– Дусь, он стал появляться с ней в кругу общих друзей. Ведь все уже знают. Говорят, она немногим моложе нас. Миленькая, но ничего особенного.

Дуся поморщилась. Нет, не нужно ей сейчас такого сочувствия. Она тоже имеет отношение к тому, что произошло.

– Слушай, Тат, помнишь, ты рассказывала мне про какой-то женский тренинг? Ну помнишь, когда у тебя с Игорем... не все было хорошо. Может, мне пойти на него? Мы как-то потом не обсуждали это. Что там происходит?

– Да-а-а, сильно он тебя закопал в сомнениях. Дуся, ты что, с ума сошла? Ну я-то пошла по незнанию, по глупости, можно сказать. Но тебе там точно нечего делать. Что там происходит, спрашиваешь? Учат техникам любви, как сделать минет так, как ему до сих пор никто не делал. Нет, Москва просто сошла с ума! Все тренингуются, как стать богиней, гейшей, привлечь в свою жизнь мужчину. А после того как привлекла, есть со вкусом, пить, не имея проблем, деньги зарабатывать, совокупляться, любить, быть богиней

и далее по кругу. И ты – умница и красавица – собираешься идти на тренинг? Так вот что я тебе скажу, моя дорогая: просто живи! А впрочем, зачем я тебя отговариваю? Иди, пожалуйста. Пусть тебя там учат, как правильно имитировать оргазм, а еще, пожалуй, дышать. Как, разве ты не знаешь, что все наши проблемы от неправильного дыхания?

– Ну что ты разошлась. Я правда в себе засомневалась. Ну насколько я хороша в определенных обстоятельствах...

– Так не лучше ли спросить об этом пусть даже у случайного мужика, оказавшегося в твоей постели?

– Ах, Тата, все не так просто. Конечно, я не собираюсь медитировать на тему «Я умная и красивая. Я достойна большего». Но про случайного мужика в постели, по-моему, преждевременно.

– Дусечка, ты все еще его хочешь? – В голосе Таты звучали слезы бессильной ярости. – Только прошу тебя, не нужно никаких тренингов – ни куртизанок, ни гейш, ни стерв, ни эротического массажа. Слышишь? Сходи лучше к психологу, а, Дусь?

* * *

Тоска по Глебу трансформировалась со временем. Она утрачивала свою нестерпимую остроту, но отзывалась в душе глубокой безнадежной грустью. Чем меньше Дуся верила в их возможное воссоединение, тем больше грустила

об утраченном. «Печаль моя светла, печаль моя полна тобою...» – именно так она определяла свое состояние. Ей было больно, что он так ни разу и не попытался обсудить с ней свой уход из семьи или как-то смягчить грусть расставания. А еще ей почему-то было важно знать, что их десятилетний брак остался значимым эпизодом в его жизни. Теперь уже не случится спросить, но так хочется думать, что он ее помнит.

Чем больше Дуся размышляла об их с Глебом разрыве, тем больше понимала, что финал их совместной истории – это общая импровизация на тему брака. И ее вклад в развод представлялся ей не менее значительным на расстоянии. Не то чтобы она винулась вслед своему остывающему чувству, но ощущение фатальности их расставания накрывало даже в снах. В них рождались и проступали инфернальные образы: Глеб как в тумане, а за его спиной нечто больше и значительнее его. Судьба, например.

Глава 2

Они познакомились на одной спонтанной студенческой вечеринке в счастливые озорные годы Дусиного студенчества. Глеб окончил МАРХИ и делал первые шаги в профессии – вполне понятно, почему Дуся почувствовала в нем своего в доску парня. Она тогда очень чутко улавливала любые творческие проявления в людях и с юношеским максимализмом причисляла их к племени «своих людей», без кожи: мы с тобой одной крови. Немудрено, что она влюбилась в Глеба насмерть.

С ним захлеб разговаривалось, легко молчалось. Все самые чувствительные струны его души были настроены на Дусю. А как он целовался! И главное, готов был ждать. А ждать пришлось – не потому, что она была капризна или меньше увлеклась им. Дуся нуждалась в паузе после той драматичной истории, которая изменила ее раз и навсегда. Но сейчас она не готова об этом вспоминать. Лучше вернуться к Глебу. К тем счастливым моментам, когда они были безоглядно влюблены друг в друга. Что знала Дуся об архитекторах до знакомства с Глебом? Сидит себе в углу, мыслит, чертит, придумывает... Наверное, можно было бы сказать «витают в облаках» – рисует, обсуждает и снова рисует. Каким поверхностным было это знание! Когда они начали жить вместе, Дуся поняла, как сложно иногда вызревает концепция.

В собственном творческом полете должна отразиться основная идея, прозвучавшая от «заказчика архитектуры». Дуся с уважением относилась к акту рождения и старалась не беспокоить мужа в ответственные моменты. Они могли часами говорить об искусстве. Это Глеб научил Дусю смотреть авторское кино: Курасава, Тарковского, Кустурицу. Она доставала из шкатулки своей памяти драгоценные воспоминания о совместных просмотрах, об обсуждениях, о спорах, что есть авторское, а что – жанровое кино и какое в полной мере можно отнести к произведению искусства. Она приобщала его к опере, которую Глеб так и не полюбил, хотя как архитектор и был хомо-универсалис.

* * *

– Дуся, я решил подарить тебе совместный поход в Большой.

Она удивленно посмотрела на него.

– Ты в самом деле хочешь? Я бы с радостью. Но если только из-за меня... Не нужно.

– Клянусь, что сам проявляю интерес.

– Мне очень приятно! А что будем слушать?

– А вот сейчас и узнаем...

Глеб позвонил в театр, и они долго потом хохотали над девушкой, которая, отвечая на вопрос, что завтра дают в Большом, произнесла «Тоску», по незнанию делая ударение на

последний слог; и над невежеством самого Глеба.

– Девушка, ну что вы... Даже я знаю, что правильно «Тоска» и это опера Верди... Нет, не Верди? – Вопрос конфузливо повис в воздухе, как капля на носу. Дуся сделала страшные глаза и выразительно pokrutila пальцем у виска.

Они едва успели к началу представления: Глебу нужно было встретиться с заказчиком. Большая потребность во внутренней свободе провоцировала на одиночное плавание – Глеб был сам себе режиссер. Дуся обожала мужа, верила в его талант и всегда, сама того не ведая, на этапе творческой придумки была его музой и вдохновительницей. Он доверял ее вкусу, охотно принимал во внимание ее видение как основу концепта, не то чтобы в мелочах, но в целом: та могла подкинуть какой-то образ, впечатление, идею, от которых Глеб отталкивался. В день спектакля Дуся приехала в их любимый ресторанчик на Чистых к концу деловой встречи. Переговоры затягивались, мужчины никак не могли продвинуться в определении этапов проекта. Дуся загрустила, подумав: «Ну вот, вряд ли успеем к началу». Но Глеб, прочитав ее настроение, искусно свернул встречу, сообщив, что едет с женой в Большой театр.

Глеб так и не смог понять, почему Дуся влюблена в оперный жанр. Он, как архитектор, умел разбить целую систему на части и выстроить логику их взаимодействия, активно используя общеизвестный принцип «разделяй и властвуй». В архитектуре проще, чем в опере: можно разъять на модули,

слои и управлять каждым компонентом в отдельности, подчинив единым правилам игры. Как можно встроить в оперу визуальный ряд, в котором не было никакой правды, и подчинить его прекрасной музыке? Когда Татьяну выходила петь тетя в возрасте за сорок, весом сто двадцать килограммов, Глеб категорически не желал верить, что перед ним трепетная лань, вопрошающая: «Онегин, помните ль тот час?» Дуся настаивала на своем, утверждая, что опера – упоительное единство музыки, театра, сценографии, костюмов и, конечно, прекрасного пения. Действо воспринимается практически всеми органами чувств одновременно, именно потому являет собой по существу «театр жизни». С этим Глеб категорически не мог согласиться: а как же компоненты, модули, слои? Дуся знала, что оперный спектакль станет для него настоящим испытанием, и на пути в зал нежно держала за руку. Трогательное, почти материнское чувство не оставляло все первое действие. Глеб отвлекал, возбужденно шептал что-то в ухо жаркими губами. Она не смела раздражаться на него и переносила свою эмоцию на любимый жанр. В этом состоянии была особенно критичной. Исполнительница роли Тоски пела партию залпом, как будто хотела напиться на всю оставшуюся жизнь, и выглядела так, словно пила шампанское из горла на голодный желудок. Каварадосси брал высокие ноты силовым приемом, будто тяжеловес, поднимающий штангу над головой. Он должен был удержать: себя от срыва, лицо от гримасы, голос от форсированного звука. В

какой-то момент Дуся заткнула внутреннего критика и преисполнилась привычным великодушием: это такая музыка, которую можно потреблять в любом исполнении. Она слушала «Тоску»! Этого было достаточно для абсолютного счастья. Глеб явно скучал и к концу первого акта, на арии Скарпия, стал окончательно изнемогающим и рыхлым. Как только замер последний аккорд, стремительно рванул в буфет, где сразу заказал себе пятьдесят граммов коньяку.

За столик к ним подсела возбужденная чета англичан. Дуся всегда думала, что жители Туманного Альбиона отличаются сдержанностью. Какой, однако, штамп! В их поведении не было ничего туманного. Восторг проливался из них благодатным дождем. Обмен впечатлениями случился эмоциональным. Дуся вела соло, насколько ей позволял английский. Глеб умаслил себя, прикончив коньяк, и ему, очевидно, полегчало. Англичане никак не могли успокоиться, и вдруг дама заговорила еще более эмоционально и, очередной раз взмахнув рукой, опрокинула бокал воды на причинное место мужа. Но и здесь не смогла остановиться – начала промокать салфетками брюки, оставляя на темном кашемире белые катышки. Было неприлично смешно. И Дуся, глупо улыбаясь, силилась не расхохотаться. Спас ситуацию второй звонок. Наспех попрощавшись, они направились к партеру, неожиданно Глеб сообщил, что ему необходимо заскочить в туалет. Он так и сказал: «Дорогая, мне нужно заскочить в туалет». Дуся зачем-то осталась караулить его около мужского сорти-

ра. «Мэ» и «жэ» по известным стратегическим соображениям были разнесены в разные локации театра на одном этаже. Хвост из нарядных дам тянулся из фойе и по протяженности был сравним с очередью за колбасой в застойные брежневские времена. Оставалось тихо радоваться, что с мужским делом обстояло куда лучше. Глеба не было довольно долго. У Дуси возникла идея открыть дверь и громко позвать мужа. Пока эта мысль крутилась в голове, она шаг за шагом приближалась к заветной двери. Исполнению плана помешали недоуменные взгляды выходящих мужчин, на которые она натыкалась, как на препятствия. После третьего звонка Дуся заторопилась в зал, откуда уже звучало оркестровое вступление. Но не успела разозлиться, как увидела сложившегося пополам Глеба, пробирающегося к своему месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.